

творческая
молодежь

«МИЛЬОН»

РЕЖИССЕРСКИХ ТЕРЗАНИЙ

КТО может точно сказать, с какого момента начинается этот «миллион». С распределения? Первой встречи с труппой? Первого спектакля? А может быть, еще в самом институте — с педагога, атмосферы курса, программы обучения, наконец? По крайней мере в том, что в режиссерском деле есть элемент фатальности, уверено большинство людей театра. Стоит услышать, что какой-то молодой режиссер работает успешно, как тут же готово объяснение — ему повезло, ему улыбнулся — случай.

Знакомство с одним из недавних выпускников, Александром Клоковым, началось заочно — со спектакля «За все хорошее — смерть» М. Ибрагимбекова, который он поставил, еще будучи в Казанском тюзте на практике. Это была точно сделанная, тонкая и умная работа, даже не верилось, что такой спектакль поставил студент четвертого курса. А он в это время уже репетировал здесь свой дипломный спектакль «Оборотень» В. Киндбергера, и репетиции эти были удивительными. Казалось, актеры представлены самим себе. Клоков сидел в углу, изредка тихо и деликатно вмешивался: он не показывал, не подсказывал, а как бы обращался к актеру за тем, что тот и сам знает, но как-то упустил из виду. И так много раз, пока не добивался результата. Не сразу, но позднее стало ясно, что это была не растерянность перед актером, напротив, железная режиссерская воля, глубокая продуманность замысла. Это чувствовалось во всех его последующих спектаклях — и в «Веселом времени» А. Гайдара, и в «Истории одной любви» А. Тобояка. Сашу взяли в театр очередным режиссером.

Живой интерес к актеру — не это ли обстоятельство в первую очередь определило его успех в Казанском тюзте? Правда, ему повезло с главным режиссером, который сумел разглядеть новичка и поддержать его. И все же, думается, есть в только начавшейся судьбе этого режиссера один не менее существенный и определяющий момент. Он учился у Марии Осиповны Кнебель. На протяжении пяти лет учебы неустанно внушает она своим ученикам мысль о том, что режиссер должен раствориться в актере, что высшая его цель — в создании цельного и прекрасного единства, именуемого театром, что чуткое, внимание к человеку — неотъемлемое качество этой профессии.

И нам захотелось посмотреть, как работают сегодня бывшие однокурсники Клокова, выпускники режиссерского факультета ГИТИСа имени А. В. Луначарского 1977 года.

Они очень редко встречаются, почти не пишут друг другу письма, не обмениваются новостями по телефону. Так было всегда — даже в институте: они не пили друг у друга чай, не ходили в гости. У каждого свои сложности, свои проблемы. И все же было такое ощущение, что есть в них нечто общее... Вот как начались творческие судьбы некоторых из них.

Гедрос Мацявичюс с первых же самостоятельных шагов в профессии заявил о себе необычно. Он создал в Москве уникальный Театр пантомимы. Те, кто видел его спектакли, не смогли не почувствовать, что его пантомима не совсем похожа на то, что мы привыкли под этим словом понимать. С нами го-

ворят страстно, взволнованно, у нас на глазах переживают муки, радости, сомнения, и кажется, что все было высказано словами. Потому что у Мацявичюса главное действующее лицо не мим, не танцор, не гимнаст, а актер, его ум и душа. К своим студийцам он обращается как к актерам драмы.

Александра Шелыгина воображение рисовало удачливым человеком. После окончания ГИТИСа он был приглашен в Белорусский академический театр имени Янки Купалы. Первая же его работа — «Дядюшкин сон» — вызвала очень хорошие отклики, в спектакле играют ведущие артисты театра. Однако ситуация оказалась не такой уж безоблачной. Как раз то, что в институте казалось благом, — стабильный, сложившийся коллектив, опытные, высокопрофессиональные артисты — обернулось дополнительными сложностями. В этом театре ставили спектакли известные режиссеры, для него писали пьесы знаменитые драматурги. И вот пришел человек, у которого только диплом ГИТИСа да еще ворох идей.

— Когда я предложил «Дядюшкин сон», артисты приготовились играть комедию. Сколько пришлось говорить, убеждать, чтобы сломить этот барьер скептицизма, недоверия. И вдруг однажды на репетиции я увидел, как у артистов загорелись глаза. С тех пор у нас установился контакт, — рассказывает Александр.

Репетиции порой затягивались до трех часов ночи. Нередко случалось, что у какого-то артиста не выдерживали нервы, и он набрасывался на режиссера: «Да скажите же, что мне сейчас делать». И хотя в состоянии, когда от усталости подкашиваются ноги и слипаются глаза, проще было бы сказать: «Пойдите в тот угол и произнесите эту фразу», — Шелыгин снова и снова начинал разбирать сцену: «Давайте подумаем вместе»...

— Вы слишком рано приехали, — первое, что сказал Виктор Симакин при встрече. — Год — слишком небольшое время, чтобы судить о режиссере. Я мало верю в гастролеров, которые в любом коллективе могут создать гениальный спектакль. Нужно очень долго работать на одном месте и по крупницам собирать то, что можно будет назвать потом «мой театр».

Виктор Симакин приехал в Гродно с конкретным планом. И с первого же дня принялся за его осуществление. Для начала по собственному выбору поставил «Слона» А. Копкова.

«Невероятный театр» — так пока условно называет Симакин театр, который мечтает когда-нибудь создать. И вся его работа сегодня — это кирпичики для будущего, незаметные для постороннего глаза, но очень дорогие для самого Виктора.

Можно сказать, что нам попался на редкость благопо-

лучный курс. Из шестнадцати человек — один аспирант, один — на телевидении, остальные — в театре. Самостоятельно работают в Пермском тюзте Валерий Ионаш, а в Центральном детском — Сергей Розов. В далекие города Сибири и Дальнего Востока уехали Елена Стонога и Александр Шуйский. Сегодня Елена — в Магаданском музыкально-драматическом театре, а Александр — в Томском драмтеатре успешно поставили свои первые спектакли. Валентин Мацюлевич в своем Валмиерском театре просто по горло загружен работой. В письме, которое он написал в редакцию по нашей просьбе, не чувствуется ни довольства собой, ни успешности. Но тревожат Валентина проблемы сугубо творческие. Он неустанно думает о том, как лучше донести до актера свой замысел, как вложить в него все то, что знает, что задумал, что хочет воплотить на сцене. Эмма Орехова по семейным обстоятельствам не устроилась в театр на постоянную работу. Однако и на ее счету два спектакля, идущие в Кировском тюзте. По отзывам режиссера театра Е. Долгиной, спектакли крепкие, профессиональные.

Так в чем же это «общее», что определяет облик курса, что неизменно проступает в каждом из этих ребят, как бы различны они ни были? Наверное, оно в каком-то особом, серьезном и трепетном отношении к профессии, в самом уровне запросов, которые предъявляют они к театру, к драматургии, режиссуре, к актерам, с которыми работают. Оно в отвращении к пустой болтовне, к отвлеченным декларациям, к позе, взгляду поверх человеческих голов, ко всей этой шелухе, которую, увы, многие их коллеги выдают за творческую отрешенность. Нет, им по душе ясность взгляда и четкость художественной позиции. Они не пасуют перед трудностями, не бросаются бежать при первой же неудаче. В них чувствуются настоящая культура и интеллигентность.

Что ж, только ли воля случая не отдала недавних выпускников во власть «типичных» для начинающих неурядиц? Или они и сами сумели противостоять им? Может быть, именно это «общее», заложенное в них мудрым педагогом, и помогло им выдержать первый год, не растеряться, не разочароваться в профессии? Многие ли молодые специалисты могут похвастать тем же? И не кроется ли причина иных режиссерских трагедий и в том, что чего-то главного не вынесли они из института, что при наличии и таланта, и воли, и горячего желания работать нет в них прочного стержня, внутренней опоры, если хотите, идеала? И, наверное, анализировать режиссерскую судьбу надо не с того момента, когда человек пришел в театр, а с того, чему он учился и у кого учился...

И все же настоящая твор-

ческая жизнь начинается в театре. Именно там вершатся режиссерские судьбы, именно там возникает часто никем не предполагаемый грустный результат.

Георгий Эджибия уже год является стажером Московского театра драмы имени Гоголя. То, что ему поручили сделать за это время, можно перечислить по пальцам: проводил разминку с актерами, выписывал в библиотеке стихи, которые войдут в готовящийся спектакль, репетировал концертные номера. Сегодня Георгий живет одной надеждой на самостоятельную постановку. Но когда это будет, неизвестно.

Михаил Али-Хусейн работает в театре «Современник» у чуткого и внимательного к молодежи режиссера Г. Волчек. Без дела он не сидит. Принимал участие в постановке «Обратной связи», сейчас работает над новой пьесой. Однако самостоятельного спектакля в театре у него все еще нет. Но если вернуться к «благополучным», то не все и тут безоблачно. Александр Шелыгин ставит сейчас новый спектакль, но тревожное чувство — а что завтра? — остается. Его главный режиссер доволен им. Однако к своим лестным отзывам не преминул добавить: «Пока его спектакли не идут вразрез с эстетикой нашего театра. Но если его самовыявление будет слишком уж ярким, нам придется расстаться». Вот так. Не сможет главный режиссер жить спокойно, если рядом с ним кто-то позволит себе быть «слишком уж ярким». Выходит, гораздо удобнее, если рядом умеренная, послушная посредственность. Самое печальное в этом то, что такое отношение к молодому «очередному» — явление, ныне в театре весьма распространенное.

Мы не за то, чтобы создавать режиссерам тепличные условия, нет. Но проявить максимум внимания и терпения, да-да, и терпения, к делающему первые шаги в искусстве — как это нужно! Парадокс в том, что сегодня даже те режиссеры, которые работают в оптимальных условиях, не уверены, будут ли они здесь завтра, потому что «всякое может случиться»...

...Он приехал в город рано утром. На вокзале его никто не встретил, в гостинице мест не оказалось, и он пошел бродить по улицам. Городок был небольшой, и потому очень скоро он очутился около театра, где ему предстояло работать. В чемодане у него лежал новенький диплом об окончании режиссерского факультета ГИТИСа. Он толкнул дверь и решительным шагом вошел в театр...

Надо бы сделать все возможное, чтобы не отдавать его судьбу воле всемогущего случая, чтобы родился, состоялся еще один театральный режиссер.

Н. КАМИНСКАЯ,
Н. РУСАКОВА.

МИНСК — ГРОДНО —
КАЗАНЬ — МОСКВА.